

Андрей Дашков

Глаз урагана

1. ЯН

«Парк, усыпанный розовой скорлупой, — остров посреди затвердевшего неба... Фламинго... Фламинго в углах моего подземелья...»

2. ДИНА

Был прекрасный майский день. Наступил тот долгий предвечерний час, когда время приобретает свойство замирать — и оно почти замерло; в воздухе плыли густые запахи цветущих садов; природа томилась во вновь обретенной юности, и все было пронизано льющим сверху нежным сиянием. Солнце набросило на город тончайшую золотую сеть — лучистую вуаль, которая оживляет даже глубокие тени и держит их в плену неясной тоски и сладостных беспочвенных надежд...

Человеческие фигуры казались издали мозаичными творениями пуантилиста, пронизанные светом кроны — изящнейшими полуволшебными витражами; все звуки были отчетливыми и чистыми, как грани и толща хрусталя; только эхо оставалось внутри — слишком тихая невыразимая

музыка жизни, услышанная будто в первый раз. Или просто хорошенько забытая с раннего детства. У того, кто прислушался, возникало некое предчувствие. Скорее всего, чуду не суждено произойти. Возможно, это была та самая минута, в которую зарождалась подлинная тайна...

Молодая женщина медленно катила коляску по аллее парка. То, что она счастлива, было видно сразу же. Не важно, что произошло вчера и что случится завтра; в тот день она находилась в гармонии со всем миром. Мыслям о старости или о грязном белье не было места. Ее сын спал; на его лице отражался немыслимый для взрослых покой, будто неподвижное пятно света, пробивавшегося изнутри, сквозь тонкую кожу. Дыхание было почти незаметным; ресницы не подрагивали; маленькая рука прикрывала солнечное сплетение и казалась отлитой из фарфора.

Блаженный сон невинности. Изгнание из рая еще впереди. И сердце матери пока спокойно. Она была удовлетворена физически и чувствовала себя великолепно. В ее жизни кое-что изменилось к лучшему. Она справилась с интимной проблемой. Избавилась от тревожащего комплекса. Спустя несколько месяцев после рождения ребенка она наконец-то испытала полноценный оргазм. Теперь она еще сильнее сблизилась с мужем. Растаял последний лед — обломок того самого айсберга,

который на девять десятых в подсознании. Все стало... острее, что ли. Свободнее, ярче, контрастнее. День или ночь вместо серых сумерек. Если это не любовь, значит, она вообще не знала, что такое любовь.

Женщину звали Дина. Ей только что исполнилось двадцать лет. Не каждый назвал бы ее красивой, однако в ней было что-то еще более эфемерное и преходящее, чем красота, — свежесть и непосредственность, граничащие с наивностью. Сочетание, возбуждающее подпорченные цинизмом и преждевременно состарившиеся души.

Кроме того, у нее были стройные ноги, узкие бедра, тонкая шея. Грудь небольшая; еще совсем недавно не хватало молока. Волосы светлые, с пепельным отливом. Это был их естественный цвет. Короткая стрижка с чуть более длинными прядями на висках. На лице минимум косметики; губы вообще не тронуты помадой — они потрескались и слегка припухли после «веселой», почти бессонной ночи. Кожа чистая, уже успевшая чуть загореть и приобрести персиковый оттенок; зубы белые, между двумя передними — небольшая щель («Как у Мадонны», — утешал Дину отец лет пять назад, когда она не на шутку страдала и старалась пореже улыбаться).

В тот день на ней были джинсы в обтяжку, коттоновая мужская рубашка и кроссовки. Издали

ее вполне можно было принять за мальчика. Она вся — воплощенный унисекс. Нательный крест из полированного полудрагоценного камня поблескивал в треугольнике расстегнутого ворота. Обручального кольца Дина не носила, хотя на ее тонких пальцах было многовато серебра.

Коляска была небольшой, синего цвета; на полупрозрачных шторках, защищавших лицо ребенка от прямых солнечных лучей, были вытканы стилизованные фламинго. Дина предусмотрительно запаслась всем необходимым для длительной прогулки. В багажной сетке лежали пакет с памперсами, баночка с подогретым детским питанием, бутылочка с соской, одеяло (для него), фляга с водой, зонт, джинсовая куртка (для нее). Дина оказалась весьма благоразумной, если учесть ее небольшой материнский стаж, и ей было приятно это осознавать. Она полагала, что хорошо подготовилась к разного рода неожиданностям. Иллюзия стабильности и прочности семейного счастья — одна из самых дорогих и хрупких. Кое-что Дина открыла для себя совсем недавно, но она быстро выросла.

* * *

Женщина, катившая коляску, прошла мимо скамейки, на которой сидели полураздетые парни и

пили пиво. Из бум-бокса доносились истошные вопли «Prodigy». Парни откровенно разглядывали молодую мамашу и отпускали на ее счет громкие замечания. В другое время она испытала бы как минимум смущение и злость, но не сегодня. Агрессия посторонних самцов разбивалась о невидимую стену покоя и светлой радости, отгородившую Дину от остальных. Она едва заметно улыбалась.

Впереди показался фонтан с бассейном посреди небольшой площади, на которой пересекались несколько аллей. Самое оживленное место парка. В бассейне с радостным визгом купались дети. Фотографы лениво развалились в шезлонгах среди нагромождений своего инвентаря — от пластмассовых машин и игрушечных пони до муляжа Кинг-Конга в человеческий рост.

Дина остановилась в тени старой липы и достала флягу с водой, взятой из источника. На поверхности фляги, пролежавшей несколько часов в холодильнике, выступила роса. Дина сделала несколько глотков. Она пила только чистую воду. Никакой химии, боже упаси!.. Потом в течение нескольких минут она наблюдала за детьми. Для купания было прохладно, но те, похоже, ничего не знали об этом. Воды в бассейне оказалось по пояс, и один шустрый малыш даже пытался кататься по дну на трехколесном велосипеде.

Поблизости толстый папаша уговаривал сынишку взобраться на плечи Кинг-Конга и секунду посидеть спокойно. И еще улыбаться при этом. Мальчик смотрел испуганно и беспомощно. Фотограф оживился и пытался «работать с клиентом». В конце концов мальчишка завыл и запросился на землю. Папаша был явно раздосадован.

На скамейке возле фонтана устроилась парочка. Она курила, он лизал мороженое. Старушка кормила голубей семечками, ненадолго забыв об одиночестве. Голуби были какие-то нервные и то и дело вспархивали, поднимая пыль. От городка аттракционов доносилась старая песня: «Быть может, мы могли бы быть и счастливей, но в чем наше счастье, не знал бы никто...»

Дина прогулялась в глубину парка и увидела над верхушками деревьев ажурную дугу «Чертова колеса». Разноцветные гондолы плыли на фоне неба — краткий восход, быстрый закат... Дина поискала взглядом незанятую скамейку. И не нашла. После долгой зимы и дождливой весны всех потянуло в парк, на обновленное солнце: курсантов, пенсионеров, роллеров, свидетелей Иеговы, шахматистов... В одной из боковых аллеек фланировали гомосексуалисты. Она ни за что не догадалась бы об этом, если бы не забрела туда случайно пару недель назад. Какой-то милый и

печальный гей, глядя на нее глазами спаниэля, поделился своей слезоточивой «love story» с несчастливым концом. Дина слушала, испытывая одновременно сочувствие и любопытство. Она почти поверила ему, когда он намекнул, что покончит с собой... Интересно, что сказал бы Марк, если бы узнал, как и с кем она проводит время?

Но сейчас ей хотелось побыть одной. Впрочем, она «оговорилась» в мыслях. Нет, конечно, не одной, а с этим существом в коляске. Они были связаны друг с другом, словно сообщающиеся сосуды. Дина — сосуд побольше, доверху наполненный любовью. Чем наполнен маленький сосудик? Она не знала. Когда она задумывалась об этом, ее саму начинала засасывать дыра, ведущая куда-то в межзвездную пустоту, где уже не за что зацепиться и нет никаких ориентиров.

Поэтому она думала о другом. О том, что вечер принадлежит ей. О том, что часы, отсчитывающие секунды, разбились. И ей достался цельный кристалл времени, в котором отражался парк — каждый лист, каждый паук, каждый звук птичьего пения, каждый жест неуловимого ветра, золотистый свет и пятнистые тени...

Этот кристалл был чистым и прозрачным, пока не появился человек в зеленом макинтоше.

Дина заметила незнакомца, когда тот уже оказался почти рядом, на расстоянии нескольких шагов. Возможно, дело было в длинном плаще бутылочного цвета, маскировавшем его на фоне листвы. Наверняка человек вышел из узкой темной аллеи, посыпанной гравием и песком. Аллея вела к заброшенному зданию, где когда-то размещалась парковая контора.

Даже с небольшого расстояния силуэт незнакомца напоминал бутылку — прямая спина, покатые плечи, длинная шея, маленькая голова и шляпа почти без полей, смахивающая на пробку. Судя по лицу и легким движениям, он был еще не стар. Сразу же бросалось в глаза, что одет он не по сезону. И в то же время невозможно было представить его потеющим или испуганным. Лицо было бледным, костистым, неподвижным; взгляд ледяных светло-голубых глаз — цепким и неотвязным.

Этот взгляд Дина ощутила на себе почти физически. Она повернула голову. «Макинтош» направлялся прямо к ней.

Старуха, случайно наблюдавшая за ними издали, почему-то вспомнила середину минувшего века, времена своей молодости. Тогда такие плащи были в моде. С минуту она сидела неподвижно, не замечая никого и ничего вокруг. Потом рассеянно

улыбнулась и обнаружила, что голуби разлетелись...

Дина невольно напряглась, хотя непосредственной опасности как будто не было. Пусть попробует, пусть кто-нибудь только попробует тронуть ее малыша!.. «Да я ему глаза выцарапаю!» — подумала она и сама удивилась своей внезапной решимости. Она даже бросила быстрый взгляд вниз, на свою руку. Пальцы с длинными ногтями были согнуты характерным образом — получилось очень похоже на лапку многократно окольцованной хищной птицы...

Незнакомец остановился рядом с коляской и попытался улыбнуться. Всего лишь попытался — потому что улыбаться ему явно не хотелось, но он как будто считал необходимым соблюсти нелепый ритуал. Дина поняла, в чем причина возникшей напряженности. «Макинтош» казался абсолютно чужеродным телом в этом спокойном тихом месте, среди майского благоухания и расслабленных людей, предающихся беззаботному отдыху. Грубый случайный мазок поверх картины импрессиониста. Заноза в нежной коже. Скрежет, разрушивший очарование мягкой музыки...

— Вам повезло. Хороший мальчик, — сказал «макинтош», склонившись над коляской. У него был приглушенный голос. Он умудрялся разговаривать, почти не двигая губами.

«Откуда он знает, что у меня мальчик?» — мелькнуло у Дины в голове. Даже костюмчик не был виден, чтобы судить по цвету. Впрочем, можно просто угадать — вариантов не так уж много.

— Берегите его, — сказал незнакомец с нажимом, глядя на нее так, словно не был убежден, понимает ли она его.

Она и в самом деле не понимала. Какого черта? Неужели ее собственный ребенок дорог ей меньше, чем постороннему, у которого скорее всего (она даже была почти уверена в этом!) вообще не было детей? Глупое положение. Дурацкое. Она не знала, как себя вести.

«Макинтош» вдруг повернул голову, будто прислушивался к чему-то. Что можно было услышать? Отдаленную музыку, голоса, детский визг, шелест листьев, пение птиц... И больше ничего не было под пронзительно голубым куполом неба. Именно туда — в небо — он и посмотрел, а потом медленно проговорил:

— По-моему, вам пора домой.

— Извините. Я решу сама.

— Вы не понимаете. Вы ничего не можете решить. Его нужно защищать.

— Да, правильно. От маньяков вроде вас.

Это было грубо, но он ей надоел. Впрочем, незнакомец не обиделся. Он только сильно сжал зубы и покачал головой. Она не верит. Она не будет

слушать его. Это означало, что он бессилен. Он не мог изменить того, что произойдет в ближайшем будущем... Некоторое время он будто подыскивал аргументы. Наконец вытащил последний козырь.

— У вашей матери сердечный приступ.

Дина окаменела. Кровь отлила от лица. Потом сквозь матовую бледность начали проступать розовые пятна, свидетельствовавшие о проснувшейся ярости. Если это была шутка, то очень плохая. Если попытка предупредить о чем-то, то чертовски неудачная и неуклюжая. В любом случае ее мать умерла четыре года назад.

От сердечного приступа.

— Пошел ты... — прошипела Дина и раздраженно толкнула коляску. Тут же испугалась — толчок получился слишком сильным. К счастью, малыш не проснулся. Она быстро покатила коляску к фонтану, где было побольше людей. Она не оглядывалась и надеялась, что «макинтош» не идет за нею следом, иначе придется звать на помощь. А вон, кстати, и патруль. Патрульные были заняты — они болтали с хорошенькой продавщицей пива.

Дойдя до площади, Дина украдкой посмотрела назад. Незнакомец шагал по направлению к ближайшим зарослям. В правой руке он держал что-то похожее на футляр для очков. Если бы не белые пятна лица и кистей, она бы его вообще не заметила. Плащ скрывал своего обладателя не хуже

маскировочного халата.

Дина остановилась и перевела дух. Нельзя сказать, что эта нелепая короткая встреча выбила ее из колеи. Конечно, нет. Она была достаточно сильной, чтобы держать себя в руках. Полная безмятежность сегодня уже не вернется, но зато вечером, когда стемнеет и появятся звезды (ночь будет безлунной и наверняка ясной)... Она машинально бросила взгляд вверх и замерла.

* * *

Дина не сразу поняла, в чем дело. И даже не сразу поверила своим глазам. Такое она видела только в фантастических фильмах. Никто из людей, находившихся поблизости, не замечал этого потому, что кроны деревьев закрывали происходящее. До поры до времени.

Голубую извилистую реку неба, текущую в зеленых берегах, перерезала стремительно надвигающаяся черная туча. Ее край был настолько ровным и четким, что действительно напоминал гигантское вороненое лезвие.

Тень в мгновение ока поглотила парк и распространилась дальше, словно выскользнувший из-за горизонта занавес. Гроза налетела внезапно. Слишком внезапно.

Это поразило не только Дину, но даже старую

деву, прожившую на свете в несколько раз больше. Старуха была очень осторожна, почти мнительна и панически боялась простудиться. Она не могла припомнить случая, чтобы перемена погоды застала ее врасплох. Сейчас произошло именно это. «Надо было повнимательнее следить за голубями», — сказала она себе, а потом у нее уже не осталось ни времени, ни возможности рассуждать.

Солнце еще светило на западе, когда первый шквал хлестнул по парку ледяным кнутом. На самом деле ветер казался ледяным по контрасту с только что вытесненным теплым воздухом. Дина, получившая нешуточный удар в лицо, пошатнулась и почувствовала, что ее охватил озноб. По рукам и спине пробежали мурашки. Ручка коляски толкнула ее в живот... Первая мысль была о ребенке. Тот безмятежно спал, хотя шторы с фламинго туго трепетали, будто наполненные ветром паруса.

Обрушились глубокие лилово-фиолетовые сумерки. Промелькнули черные тени птиц, то ли летевших очень низко, то ли просто сметенных шквалом. Деревья тревожно шумели; отовсюду доносился зловещий и пронзительный скрип. Уютный уголок парка мгновенно превратился в подобие дикого леса.

Дина озиралась, испытывая странную смесь испуга и восторга. Она еще не осознала степень опасности. Впрочем, она недолго торчала на одном

месте, тем более что порывы ветра усиливались и настойчиво толкали в спину. А коляска рвалась из рук.

Дина поспешно бросилась к ближайшему выходу из парка. Она видела перед собой множество мелькающих человеческих фигур. Еще быстрее неслись клочья бумаги, обрывки газет, пакеты и пластиковые бутылки. И даже невесть откуда взявшиеся розовые лепестки...

Зеленая метель из оборванных листьев мешала разглядеть, что происходит в сотне метров впереди. Верхушки самых высоких деревьев уже были обломаны и превратились в летящие кусты. Внизу, за частоколом стволов, было поспокойнее, зато вдоль аллеи двигалось плотное грязно-коричневое облако пыли и мусора, пожирая расстояние чуть быстрее, чем бегущий человек. Облако напоминало волну, падающую на берег и подминающую под себя купающихся. Те, что оказались внутри, корчились, зажимая уши и глаза. Пыль и мелкие камешки крутились с бешеной скоростью. Каждый новый удар ветра по обнаженной коже был словно мазок наждаком...

Дину охватила нарастающая паника. Интуиция подсказывала, что она не успеет добраться до дома. Это два квартала вверх по улице. Больше полутора километров. Надо было искать укрытие.

Бежали те, кто был налегке. Остальные прятались под большими деревьями или сооружениями типа навеса-раковины над летней эстрадой. Раздавался веселый женский смех — в те секунды происходящее еще казалось безопасным приключением.

Детей, игравших возле фонтана, уже не было. На парапете бассейна осталась забытая кем-то мокрая майка, которую вскоре подхватил порыв ветра и поднял высоко в воздух. Зацепившись за фонарь, она забилась, как рваный флаг. Инвентарь и шезлонги разметало в стороны. Что случилось с самими фотографами, Дина не видела. Кинг-конг перекачивался по аллее, словно огромная и нелепая опрокинутая урна — слишком большие габариты и слишком маленький вес.

Дина спряталась под старым кряжистым дубом и надела джинсовую куртку. Она надеялась, что, если хлынет ливень, густая развесистая крона защитит ее от воды. Открывать зонт было бесполезно — все равно вырвет из рук. Сейчас полутораметровый ствол принимал на себя напор ветра невероятной силы, однако и за ним Дине пришлось несладко. Она почти налегла на коляску всем телом, чтобы удержать ее на месте. И с тревогой следила за ребенком. А тот спал как ни в чем не бывало. Она нашла в себе силы улыбнуться...

Сверкнула молния. После вспышки все показалось еще более мрачным, словно безумный художник исхлестал грязной кистью еще недавно сверкавший мир. Раскат грома был оглушительным. Дина невольно втянула голову в плечи и приготовилась услышать детский крик. Но малыш не проснулся.

Теперь она испугалась не на шутку и потрогала его рукой. Он дышал легко и размеренно. От него исходило тепло и ощущение покоя. Вот так — от него, а не от матери. Она уже давно дрожала, чувствуя себя мокрой кошкой. И вдобавок голодной — как всегда, не вовремя.

Природа взбесилась. Посыпался град величиной с голубиное яйцо. Поскольку ветер не стихал, градины летели почти горизонтально и напоминали шарики для пинг-понга. Дина ничего не смыслила в метеорологии, но даже ей было ясно: ураганный ветер, град и молнии *одновременно* — это абсурд. Тем не менее, она все видела своими глазами. И даже ощутила на себе, когда несколько крупных градин, прошивших крону дуба, стукнули ее по голове и плечам. Она сжалась, нагнулась над коляской и попыталась открыть зонт. Градины нещадно колотили по ногам и спине. Ей удалось раскрыть зонт наполовину, а затем раздался хруст и резкий хлопок. Дина потеряла равновесие и оступилась. Зонт тут же вырвало из ее рук и унесло

куда-то вверх, будто дохлого птеродактиля.

...Паника вызвала болезненные спазмы в животе. В какой-то момент даже стало трудно дышать. Уже ничего не соображая, Дина рванулась к летней эстраде, с трудом толкая коляску по скользкому влажному грунту, присыпанному градинами. Возможно, это спасло ее и мальчика.

Молния ударила в дерево, под которым она стояла минуту назад. Верхняя часть кроны вспыхнула, как факел. Мимо Дины, каким-то чудом не задев ее и коляску, пронеслись куски дымящейся коры и обугленной древесины. И почти сразу женщину настигло облако горячего пепла. Она закашлялась, будто в глотку набилась вата, и в течение нескольких секунд ничего не видела. Даже лица своего ребенка. Затем воздух внезапно прояснился.

Вокруг порхали листья — догорая, чернея и съезживаясь. Зрелище было почти красивым. По крайней мере завораживающим. Черный снег в уголке преисподней... Раздвоенный ствол раскололся на шестиметровой высоте. Это сопровождалось жутким скрипом, с каким, наверное, ломается мачта парусного корабля, попавшего в сильнейший шторм. Странно: тяжелая прочная древесина издавала невыразимо тоскливый звук... Верхняя, пылающая часть ствола массой в несколько тонн, казалось, зависла на мгновение без

всякой опоры, а затем, ускораясь, заскользила вниз и рухнула на землю.

Дина невероятным образом избежала и этой опасности. На ее счастье, она не оглядывалась, иначе малейшая задержка стоила бы ей жизни. Или ему. Но скорее всего обоим.

Заостренный сук толщиной в руку вонзился в землю в полуметре от коляски. Однако неприятности на этом не закончились. Лишь немного позже Дина начала догадываться, что все происходившее в тот злополучный вечер не являлось только цепью случайных совпадений. Против благодушных объяснений была не только теория вероятности, но и восставал житейский здравый смысл.

Впрочем, тогда, в парке, здравый смысл помог бы ей меньше всего. Она металась, истязаемая ледяными плетками, и думала, что наступил конец света. Нигде не было спасения. И никто не пришел ей на помощь. Если бы она верила в бога, то, наверное, молилась бы, а так шептала бессвязные ругательства. Малыш по-прежнему спал, будто его не касались ни дикий грохот, ни сотрясения коляски, ни даже сильнейшие волны страха и отчаяния, излучаемые матерью. С одной стороны, Дина была благодарна ему за это. Если бы вдобавок он орал, она сошла бы с ума. С другой стороны, его молчание пугало ее едва ли не сильнее, чем буйство

стихии...

Ей оставалось пробежать несколько десятков метров до эстрады, и она уже видела темную человеческую массу, скопившуюся внутри, под навесом, больше чем когда-либо напоминавшим готовую захлопнуться раковину. Тут произошло нечто ужасное и непоправимое. Вероятно, виной этому тоже была молния. Во всяком случае, края листового металла, которыми был крыт навес, загнулись кверху (точь-в-точь вставшие дыбом слипшиеся волосы) и образовали сверкающую корону. Искры посыпались от нее во все стороны, словно кто-то зажег на эстраде гигантский бенгальский огонь. Запахло озоном — настолько сильно, что в первую секунду газ показался отравой. Оглушительное шипение прерывалось только раскатами грома. И не было человеческих криков, которые Дина подсознательно ожидала услышать, — может быть, это означало самое худшее...

Ослепительно яркая электрическая дуга пылала там, где только что стояли люди. Голубоватые вспышки с огромной скоростью ползли по еще уцелевшим проводам, растекаясь подобно подоженным струям бензина. Смертоносная иллюминация подсвечивала сумерки потусторонним сиянием. В момент каждой вспышки выбеленные фигуры тех, кто прятался под

деревьями вблизи эстрады, казались парализованными. Дину тоже парализовал ужас, но она с огромным трудом высвободилась из невидимых тисков и заставила себя бежать — теперь уже все равно куда.

Рекламный щит «Lucky Strike» едва не поставил последнюю точку в ее жизни. Она вполне могла оказаться жертвой сигаретного бизнеса, ни разу не затянувшись по-настоящему. Баловство с подружками в седьмом классе — не в счет. Щит представлял собой хоть и дырявый, но внушительный металлический парус площадью около десяти квадратных метров. В нем зияли рваные отверстия с отогнутыми краями.

Попади в нее этот снаряд — и с Диной случилось бы то же самое, что с жуком, угодившим под летящую консервную банку. Ураганный ветер нес щит практически горизонтально. И тот вращался, сверкая флуоресцентной краской и некрашеными дюралевыми уголками...

Она затылком ощутила приближение этой гигантской фрезы, будто сорвавшейся с вала и отправившейся в короткий полет вдогонку невинной жертве. Дина обернулась. Внешние звуки перестали для нее существовать. И время замедлило сумасшедший бег. Засосало в желудке; это был, конечно, не голод, а предчувствие страшной беды...

Теперь в ее сузившемся до предела мирке, где

все приобрело вязкость кошмара, щит вращался неправдоподобно медленно — и в унисон с отблесками молний на его острых краях сменяли друг друга шумные приливы и отливы крови в ее голове. Шорохи вместо пульсации. Стеклянная ясность вместо серой смазанной неопределенности... Дина знала заранее, что произойдет через секунду. Этой секунды ей хватило, чтобы сделать только одну, уже бесполезную вещь. Сработал голый инстинкт. Она заслонила собою коляску, испытывая сильнейшее давление воздуха, плотного, как резиновая стена, из которой высовывались ледяные пальцы, занятые массажем, причинявшим жестокую боль. Эта стена успела отодвинуть ее метра на два, прежде чем красное пятно заслонило весь остальной мир.

Дина отступала; трение подошв об асфальт оказалось слишком слабым, и отчаянного напряжения всех мышц явно не хватало. Раздался мощный хлопок и вслед за тем металлический скрежет. Дина закрыла глаза. В паху стало мокро. Нельзя сказать, что она приготовилась умереть. Ведь к этому нельзя подготовиться...

Лист металла небольшой кривизны обладал плохими аэродинамическими качествами. В последнее мгновение что-то воздействовало на него — возможно, изменение направления ветра было случайным, но своевременным.

Щит взмыл вверх; его развернуло в вертикальной плоскости и швырнуло в сплетение ветвей. Две из них толщиной в руку были срезаны, будто на высоте второго этажа пронеслась циркулярная пила. Еще шесть оказались сломанными и поглотили энергию удара.

Дина выдохнула. Повернувшись лицом к ветру, даже дышать было трудно. Сверкающий уголок щита пронесся в десяти сантиметрах от ее макушки, прежде чем врезался в дерево. Затем щит сполз вниз по веткам, ураган подхватил его и понес дальше, переворачивая и сминая. Металл громыхал при ударах об асфальт. Щит снова начал вращаться, но больше не взмывал кверху. И никого не осталось на его пути...

Дина еще была не в силах думать о том, что это значит. (Орудие убийства... Орудие казни... Слова из другого, жуткого слоя реальности...) Зато она осознала другое: ее ребенок только что чудом уцелел. От этой мысли возникал холод в кишках, поднимался выше и отзывался в груди болезненным спазмом. И слабость в ногах предвещала скорую реакцию, но пока Дина могла двигаться, она стремилась убежать подальше.

И вскоре она была уже на улице. Арка центрального входа в парк осталась позади; Дина и не заметила, когда проскочила под нею. По дороге несся поток воды пополам с грязью. Кое-где ветер

перекатывал нерастаявшие градины, но быстро терял силу. Молнии еще сверкали на западе, звук грома стал приглушенным.

Машины ползли мимо медленно, как побитые собаки. На кузовах многих из них появились вмятины. Дина прошла мимо трех легковушек, припаркованных на обочине. У этих были выбиты стекла.

Какое-то несоответствие не давало ей покоя, пока она брела, пошатываясь, в сторону своего дома. Что-то не так. Это «что-то» было из разряда чудес — прекрасных, добрых, *спасительных* чудес, — но все-таки причиняло неудобство, как любая неразрешимая загадка.

Разбитые стекла. Вмятины в металле. Отверстия с рваными краями. Град. Ледяные шарики. Дробь, отлитая на небесах...

Дину осенило через сотню шагов. Судя по всему, *ни одна* градина не попала в коляску!..

Дина провела ладонью по мокрым волосам. Как насчет ее собственной головы? В то же время на руках и спине наверняка остались синяки, но это она стерпела и, несомненно, переживет. А *он* до сих пор сладко спал! Этот маленький негодник проспал все на свете, даже свое почти неправдоподобное спасение! Господи, малыш, если бы ты только знал!.. Нет, лучше тебе не знать. Спи, и пусть тебя минуют все беды!..

Она извлекла сына из коляски и прижала к груди. Вернее, к насквозь промокшей рубашке, уже не опасаясь, что он простудится. Конечно, он не мог простудиться. Его хранила высшая сила.

О человеке в зеленом макинтоше Дина так и не вспомнила до полуночи.

* * *

Она окончательно пришла в себя только после возвращения мужа. Марк явился поздно и слегка навеселе. Тем летом он записывал на телевидении музыку для рекламных роликов. Работа была периодической, а денег не хватало всегда. Впрочем, в удачные дни он зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить семью на пару месяцев вперед.

— У шефа день рождения!.. — громогласно объявил он с порога и тут же осекся. От небольшой дозы алкоголя его восприятие только обострялось.

Дина стояла в коридоре, обхватив себя руками, и глядела на него широко открытыми глазами. Ее волосы до сих пор были мокрыми. И она дрожала, несмотря на то что надела теплый махровый халат.

— Что случилось? — спросил он, почему-то понизив голос до шепота.

— Ты не поверишь... — она закусил губу, с трудом сдерживая слезы. До этого она держалась, а

теперь, когда он пришел, могла позволить себе расслабиться.

— Ян?

— Нет-нет. С ним все в порядке.

— А с тобой?

— Сейчас уже все хорошо.

— Фух-х. От сердца отлегло. Расскажешь?

— Потом.

— Ладно. Женщина, подойди! Я тебя утешу, — он достал из кармана компакт-диск с ее любимыми «Garbage».

Она улыбнулась, но как-то не вполне лучезарно.

— Спасибо, милый.

Дина обняла мужа и поцеловала в щеку, заросшую щетиной. Ее губы были такими холодными, что Марку стало не по себе. Если она заболела, то очень некстати.

— Надеюсь, это только первый номер программы? — спросил он. Его рука нашла ее грудь.

— Ну, если один знакомый алкоголик не свалится с ног...

— Детка! — сказал он хриплым низким голосом, пародируя крутого героя боевика. — Когда ты рядом, я всю ночь на взводе.

Ей уже передалось его возбуждение. И влага в глазах блестела чуть иначе... Он нежно провел

пальцем по ее губам. Она была домашней, теплой, ласковой, и ей нужно было оказаться в его объятиях, чтобы забыть кое о чем. Все могло начаться прямо тут, в коридоре, и закончиться на полу в гостиной, но в это время из дальней комнаты донесся плач ребенка.

Лицо Марка мгновенно преобразилось. Вождедеющее выражение сменилось смешной и трогательной растерянностью.

— Где мой сыночек? Где мой маленький? — он сорвал с себя куртку и ринулся в детскую.

— Не дыши на него, пьяница! — строго сказала Дина вслед.

— Есть не дышать!.. Иди ко мне, мой сладкий...

Черта с два «не дышать»! Чмок-чмок. И уже раздается радостное повизгивание, смех вместо плача...

Она коснулась затылком стены и подумала: «Кажется, все по-прежнему. Жаловаться вроде бы нет причин. Господи, только не надо больше приключений!» Сейчас она со всей остротой чувствовала, насколько уязвимы все, кто ее окружает. А сама она — как стекло. Это было жутковатое чувство, мешающее свободно жить. Из головы не выходил образ рюмки, балансирующей на краю стола.

Впервые в жизни Дине захотелось выпить.

Лежа на диване, они смотрели какой-то фильм. Дина не вникала. Она слегка опьянела, куталась в плед, отхлебывала капучино из громадной чашки и наслаждалась покоем. Приглушенное, вялое удовольствие от тепла и уюта хотелось растянуть надолго. Именно для того, чтобы ощутить безопасное настоящее. Вот оно — единственное, что принадлежит тебе. Все остальное — иллюзии. Плюс приятное дополнение — мысли о будущем, надежды, мечты, которые, очень может быть, иногда сбываются...

Марк предпринял очередную попытку забраться под плед. Не всерьез, конечно. Если бы всерьез, он получил бы свое сразу же. Но он понимал, что все впереди. Он уже неоднократно совершал поползновения и следил за тем, как меняется настроение Динки. «Дай допить», — просила она, зная, что рано или поздно уступит его домогательствам. И от этого тоже становилось тепло. Сладострастие медленно охватывало ее, словно неощутимая вода омывала тело, отслаивая шелуху усталости...

Ей не пришлось долго пересказывать ему все то, что случилось с нею (с *ними*) в парке. Он понимал ее с полуслова. Иногда вообще без слов. К

тому же существовала грань, за которой любые слова звучат фальшиво или ничего не выражают. Остается только молчание и близость — если повезет и кто-то в эту самую минуту есть рядом. Если не повезет — одиночество, тогда уже неизбывное...

Дине повезло, и она не знала, кого благодарить за это — судьбу, случай, Марка или саму себя. «Я заслужила семейное счастье, ведь я хорошая девочка. Я никому не сделала ничего плохого. Даже в мыслях...»

Хорошая девочка поставила чашку на столик.
— Эй, пьяница, ты еще не спишь?

* * *

Он медленно раздел ее при слабом свете ночника и начал целовать каждый синяк на бронзовой коже.

— Может быть, тебе неприятно? — спросила она. Это была игра. Она догадывалась, что ему приятно.

— Омерзительно, — сказал он. — Похоже на татуировки.

Они расхохотались.

— А ты хотел бы?..

— Конечно. Здесь... И здесь... И здесь... И вот здесь...

Он обозначил места легкими прикосновениями губ. Потом его язык проник глубже, и ей стало совсем хорошо.

* * *

Марк отправился принять душ, а Дина лежала, глядя в потолок, по которому скользили тени. Из приоткрытого окна веяло прохладой. Шумели деревья, но сейчас в этих звуках не было угрозы.

Ровно в полночь по местному каналу начали передавать новости. Дина поленилась встать, чтобы выключить телевизор. Сообщение об урагане, пронесшемся над центральной и северо-западной частями города узкой полосой, занимало главное место. Метеорологи недоумевали — и это еще мягко сказано. Она слушала вполуха лепет корреспондентов и думала о своем. Спросили бы лучше у нее — она бы им такого порассказала об этом чертовом катаклизме! Но теперь — всё. «Я труп, — думала она. — Глиняная кукла. Меня разбили и слепили заново. Сил нет. И не будет как минимум до одиннадцати утра. Ох этот Марк со своими штучками! Не встану, даже если Янчик... Нет, милая, куда ты денешься! Встанешь и побежишь как миленькая. Невзирая на то что муж рядом...»

«Восемь человек погибли. Двадцать девять

пострадавших доставлены в городские больницы; одиннадцать из них находятся в тяжелом состоянии...»

Когда Дина услышала это, у нее перехватило горло. Восемь трупов. Их могло быть десять. Вот так иногда заканчиваются прогулки прекрасным майским днем. Нелепость смерти не укладывается в голове, но от этого не легче. Она зажмурилась, чтобы не заплакать. Запоздалая реакция на нервное перенапряжение...

В темноте под веками медленно вращалось красное пятно с надписью «Lucky Strike». «Что вы курите? — «Лаки Страйк». Угощайтесь. — Спасибо. Можно я возьму две? — Конечно. Травитесь на здоровье...»

«Что со мной? Неужели определенное сочетание букв будет каждый раз запускать в мозгу один и тот же документальный фильм, включать болезненные воспоминания? Неужели по ночам будет сниться одно и то же: темная аллея, рев ветра, медленный полет щита, ужасный скрежет перед самым концом?..»

«...Не выяснено, что стало причиной гибели еще одного человека, труп которого был обнаружен...»

Она резко села и почувствовала, как заныла спина. Уставилась в телевизор. На экране проплывали какие-то тени. Дина вытерла слезы,

чтобы увидеть хоть что-нибудь. Снимали, когда уже стемнело, и вдобавок на ходу. Луч подсветки последовательно выхватывал из темноты упавшие столбы, перевернутые скамейки, обломанные сучья, поваленные деревья, заросли смятого кустарника, прибитую градом траву... Наконец впереди появилось что-то похожее на кучу хлама, прикрытого брезентом. Только это был не брезент, а зеленый макинтош.

Когда увидел главное, ошибиться невозможно. Дина оцепенела. «Я тут ни при чем», — мысль казалась нелепой и все же... Разве существовала какая-то связь между нею и тем человеком? Дине не хотелось этого, однако связь была, и возникало предчувствие, что краткий контакт вовлек молодую женщину в чужую темную игру, правил которой она не понимала и не могла понимать.

«...Личность погибшего не установлена. Возможно, неизвестный скончался от сердечного приступа. Не исключается также передозировка наркотиков, поскольку при нем найден шприц и ампулы с пока еще не идентифицированным препаратом...»

Она не может оторваться от картинки на экране. Слишком белая рука торчит из рукава. Потом все заслоняет фигура человека в штатском, который предлагает оператору отойти подальше.

Другие уже натягивают сверкающую ленту; по ту сторону барьера — только профессионалы. Однако они ни о чем не догадываются. И они ничего не поймут. В отличие от них Дина знает, что человека в зеленом макинтоше убили, хотя и неведомо каким способом.

Но *кто* убил или *что* убило — вот этого она не узнает никогда.

3. МАРК

В новогоднюю ночь 2*** года клуб «Фламинго», естественно, был открыт до утра. Марк предпочел бы провести эту ночь дома, с Диной и Яном. Весь день накануне его одолевали дурные предчувствия. Ничего определенного — блажь, переутомление, расстроенные нервишки. В крайнем случае он мог бы сказать больным. Пришлось напомнить самому себе, что безработных музыкантов полно и многие из них ничем не хуже его. Кое-кто наверняка лучше — просто ему повезло. А когда повезло, то человеку остается вцепиться в удачу зубами и обеими руками и держаться до последнего. И ни в коем случае не искушать судьбу. Не плевать против ветра. Не мочиться в колодец. Наслаждаться тем, что имеешь, — до следующей черной полосы. И надеяться, что своей цепкостью и

сосредоточенностью отодвинул день расплаты подальше...

Деньги, деньги. Старая песенка. Все упиралось в деньги. В тот год деньги нужны были, чтобы отдать Яна в приличную школу. Марк подсчитал, что сможет оплатить обучение, если начнет откладывать с самой зимы. Динка в своем туристическом агентстве зарабатывала ровно столько, сколько требовалось на текущие расходы. При этом за последние годы они сами никуда не выезжали на отдых. Марк имел всего по одному выходному в неделю, да и то по понедельникам.

Деньги. Чертовы бумажки. Группа как раз играла «Любовь, жизнь и деньги» Диксона и Глоувера. Мягкую и очень длинную версию. Чарли — чернокожий из Денвера — пел без надрыва. Он уже понял: все не так уж важно. Чарли был неизлечимо болен и знал, что скоро уйдет на вечный покой. Для него многое утратило былое значение. Но не для Марка. В промежутках между саксофонными соло у того был повод еще раз подумать о главных вещах. Блюз облекал вялые размышления в куда более красивую форму. Двенадцать с половиной минут медленного полета — и ты снова на грешной земле. Возвращение неизбежно. У тебя есть жизнь и даже любовь (восемь лет вместе — это не шутка!), а вот с деньгами — вечные проблемы. Из-за

необходимости добывать их ты не принадлежишь самому себе. Валялся бы сейчас с Динкой где-нибудь на теплом песочке...

Он усилием воли прервал эти никчемные фантазии. Мечтать о несбыточном — забава мазохистов... Старые вещи Марк играл свободно, как бы не вполне присутствуя здесь. При этом музыка не была для него формой эскапизма. Скорее иной формой существования. Он будто сам превращался в вибрацию. Возможно, это было одним из доступных лично ему способов заглянуть в вечность через черный ход. Или разновидностью подпитки — естественной потребностью и необходимостью для всякой живой твари...

Во время длинных импровизаций легкая отстраненность даже помогала. С каждой нотой он все глубже увязал в трясине, чаще всего не зная заранее, как выберется, и вдруг ситуация разрешалась сама собой, в силу наличия некоей основы, объединяющей все и всех на этой земле. Похоже на бег в темноте по незнакомой местности. Быстрый бег, при котором каждый шаг чреват опасностью. Оступишься — и рухнет карточный домик гармонии, порвутся ветхие сети, удерживающие и придающие форму хаосу. Но если думать об этом, обязательно упадешь в яму или наткнешься на пень и сломаешь ногу. Если же бежишь самозабвенно, с абсолютной, бездумной

уверенностью, то все будет в порядке. Сам получишь кайф, и, может быть, кому-то еще придется по вкусу то, как ты несешься сломя голову.

Эмоции напрокат — вот и вся музыка. Богатый и счастливый, пока он еще не покрылся непробиваемым слоем жира и самодовольства, может ненадолго ощутить, каково это — быть нищим, одиноким и неприкаянным. Услышать тоскливый вой бродячего пса на луну — преображенный и положенный на ноты. Или наоборот — получить безвредную инъекцию радости. Происходит передача вибраций, от которых всем становится лучше, или по крайней мере ощущаешь соприкосновение в каком-то другом слое жизни и чувствуешь — ты не один. Точнее, не *всегда* один...

Благополучные и сытые люди, сидящие в зале, пришли сюда не затем, чтобы рисковать чем-то или расстраиваться всерьез. Они пришли расслабиться и отдохнуть после тяжелого дня. Весь персонал «Фламинго» знал, что для этого нужно. И Марк тоже знал. Благополучные и сытые не любят, когда их гладят против шерсти. Блюз в миноре годится только как аперитив. Для нормального пищеварения. Затем последуют жирные блюда из обширного меню поп-джаза...

Марк ничего не имел против клиентов клуба.

В конце концов, кое-что из их глубоких вместительных карманов перепало и ему. Они жили хорошо и давали сносно жить другим. Это был в высшей степени гуманный расклад. Лучше уже не бывает. Когда кому-то хочется изобрести совершенство, все заканчивается резней. У Марка хватило ума понять, что так устроена жизнь, и не дергаться. Он делал свое дело, ублажая более удачливых ребят с их проститутками, порой сам чувствовал себя проституткой (причем одной из самых дешевых) и ждал, когда судьба улыбнется ему. При мысли, что этого можно вообще не дожидаться, охватывал страх и презрение к себе. Но потом все проходило...

В ту праздничную ночь он получил предложение, которое могло радикально изменить его существование. Правда, гримаса судьбы была больше похожа на ухмылку пресловутого ростовщика, выдавшего кредит под немислимые проценты.

* * *

К пяти утра он был выжат как лимон. Ему всего тридцать шесть, а здоровье уже растрчено. И шило почти все время торчало под сердцем — малюсенькое шило, еще только дающее знать о себе. Ничего удивительного — он забыл, когда жил

в нормальном ритме, не путая дни и ночи, не лакая кофе лошадиными дозами, не подстегивая себя всякой дрянью, от которой собственные мозги кажутся пачкой старых мятых писем, написанных самому себе в забытые времена и теперь сгорающих внутри металлического чайника...

В начале шестого подъехали освободившиеся ребята из «Центуриона», а в зале обнаружился заезжий суперстар. В общем, назревал джем, о котором хозяин наверняка позаботился заранее. Пока техники ставили дополнительные микрофоны и делали звук, выдалась передышка минут на пятнадцать. Народ повалил в бар, а Марк с клавишником Гошей отправились перекурить и заодно хлебнуть кофе.

Гоша был музыкантом от бога. Музыка являлась для него пищей и постоянной любовницей, которой он сохранял верность при любых обстоятельствах. Вероятно, он ощущал жизнь по-настоящему только тогда, когда играл или лежал в постели с женщиной. Остальное время было для него лишь бесплодным скучным ожиданием в преддверии гармоничного сочетания звуков или оргазма.

Впрочем, хозяин «Фламинго» сумел выдрессировать его и сделать послушным, вполне управляемым мальчиком. Первый и последний конфликт между ними произошел в тот вечер, когда

Гоша явился в клуб в майке с надписью: «Если бы дураки имели крылья, это место было бы аэропортом». Никто не знал в точности, какие аргументы использовал владелец клуба (разговор состоялся в офисе босса), но с тех пор за роялем или «роландом» неизменно восседало чучело, запакованное в строгий вечерний костюм.

Удобнее всего было выпить кофе на кухне. Пока они шли по длинному коридору к задней двери заведения, Марк сообразил, что ему надо в сортир. «Я жду», — сказал Гоша, прикуривая на ходу от новой золотой зажигалки. Зажигалки менялись часто; соответственно менялись и дарственные надписи. Гоша был большим специалистом по скучающим богатым бабенкам и не раз посмеивался над «моногамностью» Марка. Тот, конечно, тоже не был святым, но Дина до сих пор устраивала его во всех отношениях.

В дверях туалета он столкнулся с изысканно одетым мужчиной, явно только что нюхнувшим кокса, вошел внутрь и с чувством облегчения воздвигся над писсуаром. Мочась в чистейшую, белую, благоухающую освежителем и причудливо изогнутую раковину, он думал о том, до чего же быстро человек привыкает к хорошему. При этом невольно вспоминались загаженные отхожие места во всех кабаках, кафе и клубах, где ему приходилось когда-либо работать. От частностей он

перешел к общему.

Еще каких-нибудь пять лет назад более или менее длительное существование клубов, подобных «Фламинго», казалось почти невозможным. То есть существовать они, конечно, могли — по чьей-то барской причуде или для отмывания бабок. Ни о какой «окупаемости» не приходилось и мечтать. А поскольку стабильных причуд и надежной, долговременной «крыши» не было, клубы-однодневки открывались с большой помпой и пару месяцев держались на приличном уровне, после чего сразу закрывались или постепенно скатывались в трясиину самого дурного вкуса. Это проявлялось во всем: в качестве кухни, в состоянии сортиров, в музыке, которая в них звучала, но главным образом в клиентуре.

При воспоминании о клиентуре Марк содрогнулся. Один раз его самого чуть не зарезали, и дважды он был свидетелем того, как в сортирах находили еще теплые трупы. Да, то были поганые денечки. Труд стоил дешево, а жизнь — еще дешевле. Кабацкий, лихой, кровавый загул. Звериные потасовки. Глубочайший дисбаланс между запросами и потреблением...

Все объяснялось тем, что, как правило, у нормальных людей денег было мало. А богатые толстолобики нуждались в своеобразных развлечениях. Они явно обладали другим

диапазоном восприятия — часто смещенным в такую область, куда Марк не мог проникнуть, сколько ни пытался. На радио, ТВ и в засоренных ими мозгах цариле засилье самой гнусной пошлятины и полублатного романса. Чем тупее, тем лучше продается — правило становилось почти универсальным. Бытие определяло сознание, но еще лучше работала обратная связь.

Впрочем, толстолобики тоже прогрессировали, не говоря уже о следующем поколении, гораздо более цивилизованном. Мелкие зверьки и крупные звери, пересаженные в искусственно созданный постбуржуазный зоопарк, прекрасно приспособились к новым условиям и успешно размножались. Поскольку жратвы хватало всем, отпала необходимость рвать друг другу глотки. Можно было позволить себе благородство и благочестие. Некоторые настолько сжились с этой ролью, что уже не мыслили себя вне ее. Тем лучше. Жизнь постепенно становилась спокойной и комфортной.

И бывших люмпенов быстро разворачивало лицом к ценностям среднего класса, включая музыку для среднего класса, книги для среднего класса, одежду и аксессуары для среднего класса, спортивные клубы для среднего класса и даже образ мыслей среднего класса. Надежность, солидность, конформизм, респектабельность,

уверенность в будущем... Неплохие свойства, особенно если они подкреплены соответствующим счетом в банке.

Марк не мог этим похвастаться, однако и его потребности возросли пропорционально изменению общего уровня. Когда родился Ян, они с Динкой жили в двухкомнатной квартирке с тесной кухней, а о машине они даже не мечтали — та была им просто не нужна. Теперь у них большая четырехкомнатная квартира в тихом районе, у него — «фиат», а у жены — маленький «форд» модели «ка». Но даже если они с Диной переседают на велосипеды, а он продаст свой не самый дешевый тенор фирмы «L. A. Sax», денег все равно не хватит, чтобы оплатить приличное образование.

И при этом он ощущает, что «держат планку» становится труднее и труднее с каждым днем. Гонка без финиша изматывает. Приходится все время бежать вверх по эскалатору, съезжающему вниз, — ради будущего ребенка и собственного будущего. Правда, теперь Марк уже называет это про себя не «будущим», а «обеспеченной старостью». Печально. Во что он превратил свою жизнь? Впрочем, взрослея, многие его друзья и знакомые постепенно превращались в тех, кого ненавидели или даже презирали в юности. В богатых самодовольных жлобов, или в скучных отцов семейств, или в спивающихся нытиков, или в

истеричных мамочек, а все вместе — в стадо Тех, Кому Есть Что Терять, в баранов, увешанных лапшой, щедро и круглосуточно производимой телящиком и прочими органами выделения системы. А если кто-то избегал подобной участи, то становился изгоем, преступником или ходячим воплощением инфантилизма, абсолютно бессильным и бесплодным. Выбор невелик: приспособляйся — или система перемелет твои косточки. Но уж душу-то возьмет точно, в любом случае.

И Марк тоже пережил незаметную для него самую трансформацию. Как сильно изменились приоритеты в период с двадцати пяти до тридцати пяти лет! До тридцати он жадно схватывал и щедро отдавал. Затем вокруг образовался незримый кокон, который отделил его от других людей и воспрепятствовал непосредственному контакту с миром. Вначале кокон состоял из тончайших нитей и был почти незаметен, потом становился все более плотным и прочным. К тридцати пяти Марк был туго спеленут и, как ему казалось, надежно защищен от всего — от ударов судьбы, чрезмерных эмоциональных потрясений, человеческой подлости, а заодно и от чистой радости. Усталость, легкая горечь, скепсис — вот удел разочаровавшихся и не обладающих достаточной пробивной способностью.

А ведь когда-то Марк неплохо начинал. Даже записал два собственных альбома. Но давно понял, что всегда останется в категории крепких профессионалов-среднячков, к которой, кроме него, относились тысячи, десятки тысяч. Дело не в тщеславии или комплексе неудачника; этого он был лишен начисто. Просто ему казалось иногда, что знать свой потолок — почти то же самое, что знать день и час своей смерти.

...Какая только чушь не полезет в голову в сортире! Может, оттого, что в эти редкие минуты Марк оставался наедине с собой? Правда, вскоре у него возникло иррациональное чувство, что он не один. Телекамера не в счет, хотя пару лет назад борборники гражданских свобод громко вопили о нарушении элементарных прав человека. Козырный аргумент о борьбе с терроризмом, преступностью и наркоманией сыграл свою роль, и наличие средств наблюдения во всех помещениях общественных заведений было узаконено...

Кто там сегодня у мониторов? Случайно не Стелла? В таком случае понятно, почему он ощущает на себе липкий, неотвязный взгляд, даже минуя электронных посредников. Правда, была еще одна линия, к которой подключен компьютер федеральной службы, но то, чего никогда не видел, как бы и не существует.

Страусиный прием. Иногда помогает. Хотя

чушь это, конечно, — про страусов.

Судя по всему, предостерегающие вопли об угрозе тотальной слежки были явно преувеличены. Сектор обзора камеры охватывал только проход и пространство у двери. Существовала также небольшая мертвая зона, где осторожные клиенты обычно и занимались предосудительными делишками. Марк не покидало подозрение, что эта зона устроена специально и федералы о ней прекрасно знают. Для чего она устроена — это другой вопрос, над которым лучше не задумываться... Так что человек чаще всего оказывается изворотливее сторожевых псов системы. Того времени, когда было наоборот, Марк уже не помнил — тогда он был еще слишком юн. А сейчас все просто: стесняешься — запись в кабинке.

(Есть повод гордиться соотечественниками. Они завоевали право делать что угодно — но под присмотром ненавязчивой «няньки». Разве можно представить себе более свободную страну и более гуманную власть?)

Кстати, двери всех кабинок были закрыты. Марк зачем-то нагнулся и заглянул под них. Ни одной пары ног. Только стерильный фаянс и плитка. Стояла тишина, чуть ли не зловещая. Потом внезапно загудела лампа...

Марк ополоснул руки и выдернул из коробки

салфетку. Странно все-таки: в клубе полно людей, а в сортире — никого... Тоненько пискнул сигнал тревоги в мозгу. Опасность! Еще неизвестно, откуда она исходит, но этого лучше и не знать.

Марку захотелось поскорее убраться отсюда. Что он и сделал, не дожидаясь, пока паранойя достигнет пика насыщенности. «Бедные мои нервы!» — думал он, шаря по карманам. Оказалось, где-то забыл сигареты. Ну ничего — Гоша тоже курит «Chesterfield»...

Возле задней двери клуба о чем-то трепались здоровенный охранник и недавно сменившийся паренек, обычно занятый парковкой на клубной стоянке. Марк обменялся с ними быстрыми приветствиями и выскочил наружу, надеясь, что мороз его взбодрит. Стальная дверь тяжело лязгнула, закрывшись за ним.

Было даже чересчур холодно. Черный ход выводил в узкий переулок. Лунный свет окаймлял крыши, приликая к каждой грани резким голубоватым отблеском. Мрачноватые стены из красного кирпича, пожарные лестницы, мусорные контейнеры, обледенелые гидранты. Справа находился пандус для разгрузки рефрижераторов. Несколько машин, казалось, вросли в слежавшиеся снежные сугробы. При одном только взгляде на заиндевший металл все стыло внутри...

А куда же запропастился Гошик? Неужели

затянулся пару раз и смылся? Что-то не похоже на него. Обычно Гоша выкуривал не менее двух сигарет подряд.

На всякий случай Марк еще раз обшарил карманы. Нет сигарет, хоть тресни! Зато спать действительно расхотелось. Он схватился за металлическую скобу, обмотанную тряпкой, чтобы не примерзали пальцы, и снова открыл дверь. Хотел стрельнуть сигаретку у кого-нибудь из персонала. И прямо на пороге столкнулся с представительным стариканом в отличном смокинге. Тот загораживал собою проход и протягивал ему вскрытую пачку «Lucky strike». Без тени улыбки.

Марк бросил взгляды по сторонам. Охранник и парковщик испарились. Позади старика маячил хмурый молодой человек, одетый не хуже хозяина, — то ли секретарь, то ли телохранитель. Скорее всего второе. Старик явно был важной шишкой, хотя держался подчеркнуто просто.

Его лицо излучало властную силу, но без малейшего оттенка самолюбования или упоения своей значительностью. Все еще густые седые волосы были зачесаны назад; светлые глаза спокойны и неподвижны; губы обесцвечены, но не запали в беззубые пустоты; тяжелые веки опускались и поднимались медленно; всякий раз, когда открывался зрачок, взгляд казался почти гипнотическим. Кисти рук были покрыты пятнами

пигмента, ногти ухожены, розового цвета и без трещин — признак хорошего здоровья. В общем, это был красивый, солидный, абсолютно уверенный в себе старик, и его самоуверенность подкреплялась чем-то таким, о чем Марк еще не догадывался.

— Закуривайте, — предложил незнакомец голосом, начисто лишенным неприятного старческого дребезжания, и встряхнул пачку, элегантно выбив одну сигарету.

Марк почему-то мгновенно вспомнил эпизод шестилетней давности, когда его жена и ребенок едва уцелели во время урагана. Впрочем, причина была очевидна — пачка «Lucky strike». Крючок, навечно засевший в его памяти, не говоря уже о Дине. Ту до сих пор пробирала дрожь при виде черной надписи на ярко-красном фоне...

Марк взял предложенную сигарету и прикурил от дешевой пластмассовой зажигалки, не переставая удивляться, куда это все подевались. Коридор был пуст, словно заброшенный подземный ход. Старик в упор смотрел на Марка, и тот почувствовал себя неуютно.

— Не будем тратить время на знакомство. У вас его мало, а у меня и подавно. Перейду сразу к делу. Не перебивайте и не думайте, что я шучу. Возможно, мое предложение покажется вам чудовищным, однако мы все тщательно взвесили и пришли к выводу, что другого выхода нет. Все

слишком серьезно. Если бы мы хотели нанести вам или членам вашей семьи какой-либо вред, то сделали бы это без предупреждения...

При словах «членам вашей семьи» Марк насторожился. До этого он действительно не воспринимал болтовню старика всерьез. Сердце провалилось куда-то, но по пути было подхвачено колючей ладонью. Ладонь сжалась в кулак. Секундный ледниковый период внутри. Все, отпустило...

Он не был гением, но интуиция — это то, без чего невозможно играть джаз. И он испытывал не страх — старик не внушал ничего подобного. Скорее приступ клаустрофобии, словно приближалось землетрясение, а он был заперт в тесной темной кладовке на пятом этаже ветхого дома. При этом ключ от входной двери находился в чужих руках. Возможно, в руках этого незнакомца... Предчувствие катастрофы? Да, именно так.

— Надеюсь, у вас нет сомнений по поводу важности вашего мальчика? Его надо сохранить во что бы то ни стало, — продолжал между тем старик с ледяным спокойствием. И леденящим, если на то пошло.

Он изъяснялся так странно («по поводу важности вашего мальчика!»), что Марк даже не сразу понял, о ком, собственно, идет речь. И

вообще — о живом ли существе? Не о семилетнем же ребенке, в самом деле?! А когда понял, то задохнулся от праведного гнева: «Важность?! Что ты знаешь о том, насколько он важен для меня, папаша? Ведь он — мой единственный сын. Или это не я, а ты держал его на руках, когда ему было четыре месяца и он задыхался? Или это ты тупо молился, хватаясь за маленькую белую ручку, как за соломинку, и бессмысленный захват не могли разорвать все время, пока реанимационная бригада делала свое дело?..

Или три года назад, на речном пляже (наш последний на сегодняшний день пикник!) — разве это ты, старая развалина, сорвался с места, отбросив пластмассовый стакан с водкой и едва не подавившись куском мяса, тяжело рухнул в одежде в омут и поплыл, рассекая вязкий черный кисель, устанавливая невыслышимый собственный рекорд скорости (при этом казалось, что барахтаешься на одном месте) и отчетливо понимая, что если *его* не вытащишь, то и самому незачем плыть обратно, и скорее всего на это не хватит сил и просто не останется воли к жизни?..»

Там, на реке, Марк уже не молился, догадываясь подсознательно, что все зависит только от него... А моментом истины был тот, когда он прикоснулся к телу, трепетавшему в беспросветной глубине, внутри отвратительной

субстанции — мертвой и все-таки сверхъестественным образом *охотившейся* за маленькой жертвой...

И когда он эту жертву забрал, выхватил из владений бесформенного демона, стихия воды предприняла последнюю попытку взять их обоих. Ее вязкость изменилась. Что-то взорвалось у Марка в ушах, а в глазах и без того колыхалась чернота, и мокрая, аморфная, многопалая рука проникла *внутрь*, поглощая, вбирая в себя остатки кислорода и цепляясь за стенки легких тысячами микроскопических крючков, и закрепившись надежно, рванулась обратно, и он едва не выблевал свои внутренности в окружающий мрак...

А после появился свет, было чудо нового рождения, голубое небо, и ребенок дышал, выплевывая жижу, которая чуть не стала причиной его гибели, и самая никчемная жизнь показалась бесценным подарком, раем, и Марк чуть ли не впервые был благодарен за каждое прожитое мгновение тому безликому, что сталкивало существа и силы в безжалостной игре вероятностей и позволило ему протянуть еще немного, задержаться ненадолго по *эту* сторону, пока везде и всюду, в клетках и в Галактике, продолжалась непрерывная, смертоносная пляска...

«И разве это ты, старик...»

— Я уважаю ваши родительские чувства, —

заметил незнакомец, прерывая его бессвязный внутренний монолог. Возможно, он читал по лицу или просто хорошо изучил человеческие мотивы и реакции. — Более того, я пытаюсь помочь вам и ему. Если вы проявите благоразумие, он выживет, а вы исполните свой долг до конца. Иначе все было напрасно...

«Что было напрасно?!» — хотелось завопить Марку, но вместо этого он выдавил из себя что-то банальное и невнятное. Человекообразная кукла с несомненными телепатическими способностями превращала его потуги сопротивляться в жалкую клоунаду.

— Ему что-то угрожает? — спросил он, разомкнув одеревеневшие губы.

— Бессмысленный разговор, — оборвал его старик. — Он в смертельной опасности. Если вы этого до сих пор не поняли, значит, вы просто слепой кретин. Даже сейчас, пока мы здесь болтаем, может произойти все что угодно. Самое худшее. Время — не только деньги, и я не блефую. Мое предложение таково. Я принимаю на себя все расходы и заботы по его воспитанию. Я богат и обладаю кое-каким влиянием. У меня обширные возможности, которые намного превышают возможности средней семьи. Ваш сын не будет ни в чем нуждаться. Но главное — его будут хорошо охранять. Вы и ваша жена получите приличную

компенсацию. *Очень* приличную. Речь идет о шестизначных суммах, с помощью которых вы, надеюсь, сумеете реализовать любые ваши мечты, желания и планы. В конце концов, заведете другого ребенка. Да хоть пятерых!.. Вам, вероятно, кажется, что я предлагаю вульгарную сделку, но мне некогда обсуждать каноны обывательской морали.

— Другими словами, вы хотите купить у меня моего сына?

Старик поморщился и резко махнул рукой, будто отметал подобные трактовки ввиду их примитивности и при этом ему крайне досаждала человеческая ограниченность. А отцовский гнев и вовсе был лишней эмоцией, пережитком дикости.

— Я сделаю вашего сына тем, кем он может стать потенциально. Извините за прямоту, но с вами он — даже если выживет — останется недоразвитым калекой. Я, конечно, имею в виду не физический аспект. Что же касается купли-продажи... Вы и его мать получите право встречаться с ним несколько раз в год в тех местах, которые будут определены моими людьми, и, разумеется, под их охраной...

Это звучало так нелепо (по крайней мере в первые секунды), что Марк не знал, что делать — засмеяться, дать старику по роже или просто послать того подальше и вернуться в зал, где рассеиваются любые наваждения, кроме музыки...

Гнев и впрямь испарился; осталось только ощущение дикой неловкости, словно его попросили совершить нечто непотребное при свидетелях и за деньги.

— У меня другое предложение, — сказал Марк, выбрасывая сигарету в урну. Он успокоился настолько, что мог связно соображать. — Сейчас вы уходите и никогда больше здесь не появляетесь, не говоря о том, чтобы приблизиться к моей жене или сыну. В этом случае я не буду заявлять в милицию и забуду о нашем разговоре. И даже ничего не скажу Малышу.

Малыш — это была кличка того самого вышибалы, смахивавшего на хорошо одетую и чисто выбритую гориллу, который пять минут назад курил возле задней двери.

Старик впервые позволил себе бледную улыбку. Но не превосходства, а скорее сожаления. Он был явно разочарован в собеседнике. Он отступил на два шага и поманил Марка пальцем, приглашая заглянуть в бетонный аппендикс, где был установлен распределительный щит.

Марк заглянул. Там сидел Малыш, привалившись спиной к стене. Он выглядел вполне благополучно, но при этом, судя по всему, находился в безусловной и длительной отключке. Под прикрытыми веками поблескивали свинцовые белки. Марк присмотрелся повнимательнее и

убедился в том, что Малыш дышит. На его огромной бритой голове и иссеченном шрамами грубом лице не было ни малейших свежих повреждений.

Сам собой возникал вопрос: каким образом старик или его сопровождающий вырубил эту боевую машину, которая когда-то уложила на пол восьмерых не самых слабых ребят на глазах у Марка и еще пятерых свидетелей? Кстати, на тот подвиг Малышу понадобилось меньше минуты. Сейчас же подобная неприятность случилась с ним самим — только все произошло мгновенно и бесшумно.

Марк был впечатлен, но если они думали, что такие дешевые способы давления эффективны, то ошибались.

— Я не хочу продавать своего сына, — сказал он, испытывая только опустошенность и уже понимая, что эти люди вряд ли оставят его в покое. Они были опасны, по-настоящему опасны. Он чувал это нутром. А значит, придется как минимум забыть о спокойной упорядоченной жизни (теперь его жизнь вплоть до этого утра действительно казалась ему спокойной и упорядоченной, несмотря на сбитый ритм и ночной угар!). Объяснения с милиционерами — тоже далеко не самая приятная процедура. Так что при любом раскладе его не ожидало ничего хорошего.

Старик вздохнул и принялся втолковывать ему с выражением бесконечного терпения на лице, словно имел дело с пациентом психушки:

— Вы предпочитаете, чтобы он погиб? Сколько раз его жизнь подвергалась непосредственной опасности, начиная с того случая в парке? Шесть? — («От кого он узнал?! Не от Динки же!») Кроме того, шесть — это было совершенно точное число. Марк помнил каждый эпизод, ведь такое не забывается до гробовой доски. Выходит, *они* знали о нем все. Кошмар!) — Вам не кажется, что шесть потенциальных смертей — многовато для семилетнего ребенка? Вы возразите, что на него никто не покушался, что всякий раз это было всего лишь случайностью, трагическим стечением обстоятельств, не так ли? Поверьте мне, вы ошибаетесь. Ваши заблуждения могут стоить ему жизни. Дело даже не в статистике или теории вероятности. Не хочу пугать вас, дорогой мой, но вы столкнулись с вполне сознательными действиями...

Марк бросил взгляд на часы. Ему пора было возвращаться. Он опаздывал уже на пару минут. Хотя какой, к чертям собачьим, сейшн после такого разговора?! Надо срочно позвонить домой, убедиться в том, что с Диной и Яном все в порядке. И думать, думать, что делать дальше. Друзья, гостиница, отпуск?..

И опять старый хрен будто прочел его мысли.

— Без нашей помощи вы пропадете. Все трое. Упорство бессмысленно и губительно. Давление будет нарастать. В конце концов вашего сына достанут. Где угодно. Это сломает или убьет вас, не говоря уже о вашей жене. Я предлагаю вам другое: благополучную жизнь до старости и полную реализацию способностей вашего сына. Что вы выберете?

Старик неоднократно намекал на некие «способности». До сих пор Марк надеялся, что все в пределах нормы. Он ненавидел крайности. Его сын — парень как парень, если судить о нем трезво и без родительских соплей.

— Почему именно он?

— Я же сказал: полная реализация. Вы замечали какие-нибудь странности?

О да. Он замечал. Вот, например... Нет, сейчас не время для воспоминаний, хотя кое-что он помнил до мельчайших подробностей. Однако не обсуждал этого даже с женой. На подобные разговоры у них было установлено что-то вроде негласного табу. Старик хладнокровно разбивал хрупкую скорлупу его защиты. Но то, что замечал Марк, заставляло его *жалеть* сына, беспокоиться о его физическом здоровье, уязвимой психике и такой немаловажной штуке, как взаимопонимание.

Пока взаимопонимание было полным (по

крайней мере, днем), однако Марк знал, что существует некая тайная комната (в душе? в голове?), а там, за неосязаемой дверью, — чернота и полная неизвестность. Ему казалось, что маленькие «странности» сделают его сына беспомощным и бесконтрольным, обрекут на одиночество и изоляцию в будущем; старик же намекал на некую скрытую силу (при условии, что Марк правильно понял своего визави, а тот не был сумасшедшим или богатым ублюдком, ищущим экстравагантных развлечений).

Но если все сказанное — ложь, то совершенно несуразная, бесцельная и бесполезная. Непонятно, кому и зачем это надо. Впрочем, Марк уже получил первые доказательства того, что старик не лжет. И во что тогда он вляпался, не ощущая за собой ни малейшей вины? С возрастом он приобрел стойкое отвращение к авантюрам. Сейчас отвращение стало почти физиологическим.

— Возвращайтесь домой, — мягко посоветовал старик. — Мы обо всем позаботимся. Зейгера я беру на себя. — (Зейгер был номинальным владельцем клуба. Кто стоял за ним, Марк не знал.) — Поговорите с женой, постарайтесь ее убедить...

— Разве я непонятно выразился?

— Вполне понятно. Но ваше сопротивление только ухудшит положение вещей. Есть то, чего

невозможно избежать.

«И все-таки я попытаюсь», — подумал он. Что сделать, чтобы они оставили его в покое? Он туговато соображал после бессонной ночи.

— Мне надо работать. Я подумаю.

— У вас нет на это времени. Боюсь, что в любом случае мы будем вынуждены выполнить свой долг.

Фанатики, решил Марк. Наихудшая разновидность. Даже хуже помешанных. С такими невозможно договориться. И такие не откажутся от попыток добиться своего. Все остальные люди для них — мусор, прах под ногами, досадная помеха. «Долг!» В чем состоит их долг? И где гарантия, что долг этот правильно понят?..

Отчаянно не хотелось подставлять им спину. И все же он сделал шаг вперед, и они расступились, пропуская его. Что дальше? Положат его рядом с Малышом и отправятся к нему домой? Это не исключалось...

Пока он шел по коридору, все время ожидал некоего враждебного действия — не удара по затылку, конечно, а чего-то более тонкого. Может быть, даже слов, которые будут произнесены ему вдогонку и станут последней каплей...

Впрочем, старик и так заронил поганое семя, а из этого семени уже успели прорасти страх и растерянность. От былого меланхолического

благодущия не осталось и следа. Ядовитое жало засело в мозгу, отравляя существование. Марк был выбит из колеи и завяз в топкой грязи на обочине. Именно в таком состоянии обычно совершаются глупости. Сознание этого парализовало волю. Нарастало отвращение к себе. И возникало совсем уж нелепое чувство вины. Перед кем? Перед женой и сыном. Особенно перед сыном — ведь тот казался таким слабым и беззащитным. «Да, я спасал его пару раз, но смогу ли я защитить его от *этого* ?» Ответ был ясен. Марк ничего не мог противопоставить невнятной угрозе. Она притаилась где-то внутри бездушного механизма, состоящего из миллионов роботизированных существ — и все они искали выгоды и наслаждений. За пределами ближайшего окружения происходили вещи, которые Марк не мог контролировать. Жалкий обыватель...

Он завернул на кухню, где находился ближайший телефон, и схватил трубку. Людочка, готовившая закуски, подмигнула ему, но Марк вряд ли вообще ее заметил. По пути он задел стопку подносов, и те рухнули на пол с металлическим грохотом. Марк даже не обернулся. Людочке показалось, что он малость не в себе. Но и не под кайфом — слишком собран и сосредоточен.

Марк набрал свой домашний номер, потом оглянулся и неожиданно послал Людочке

воздушный поцелуй. «Я все уберу», — сказал он после третьего длинного гудка, ожидая, что Дина вот-вот снимет трубку. После пятого гудка он решил, что она уже спит. После двенадцатого стало ясно, что ее нет дома. Или отключен телефон. Оба варианта Марка категорически не устраивали, ибо открывали простор для различных домыслов и подозрений.

На всякий случай он перезвонил. Снова была засасывающая пустота между гудками, а сами гудки — будто механические вопли тревоги, заблудившиеся в проводах... Может, все гораздо банальнее? Она могла пойти к кому-нибудь из своих бесчисленных приятелей или подруг и заперла дома Яна, а тот спит крепко.

Даже слишком крепко.

При мысли об этом Марка прошиб холодный пот. Он бросил трубку, про себя послав Динку к черту. Хорош он будет, если начнет обзванивать своих друзей, разыскивая жену в новогоднюю ночь! Впрочем, оставить сына одного — это так не похоже на нее. Он не мог упрекнуть ее в отсутствии должного внимания к ребенку и пренебрежении семьей...

«Не будь самоуверенным болваном! — сказал он себе. — Ты испортил ей третий праздник подряд. И ты думаешь, что она не найдет, с кем развлечься? Желающих хоть отбавляй...»

Ну так поезжай и убедись сам, подсказывал маленький сволочной двойник. Но он ведь не о жене беспокоился, а о сыне. Как там говорил старик — «Пока мы с вами болтаем, может случиться все что угодно»?..

Тут Людочка пристала к нему с вопросами: «Эй, все в порядке? Почему такой бледненький? Что это с тобой, лапуля?»

Он нервно засмеялся.

— Сам еще не знаю...

— Кофе выпьешь?

— Некогда. Труба зовет... Устал, как собака, — неожиданно для самого себя пожаловался он.

— Понимаю. Я тоже с копыт валюсь. Пару часов осталось. Эх!.. — она сладко потянулась, предоставляя Марку возможность полюбоваться тем, как выгнали спелые грудки под тонкой тканью клубной униформы. — Зато потом возьму неделю отпуска. Шеф обещал.

— Что будешь делать? — («О чем я треплюсь? Разве это меня интересует хоть в малейшей степени?!»)

— Махну со своим парнем на лыжный курорт.

— Неплохо. Я его знаю?

Людочка хихикнула:

— Вряд ли. Мой новый. Денег куча и к тому же разведенный. Адвокат с собственной конторой.

— Импотент, наверное?

— Сама вначале так подумала. Представляешь — нет!

— Уникально. Где ж ты откопала это сокровище?

— В «Короне» подцепила. Вот увидишь, я отсюда свалю. Тоже хочу побыть богатенькой стервой. Никто меня здесь не ценит... — она кокетливо потупила глазки, ожидая опровержений.

— Живут же люди! — сообщил Марк навесному потолку. — Осторожнее там, на курорте. Береги себя, куколка. Не поломай ножки!

— Еще бы! — воскликнула Людочка, переступая как молодая кобылка. — Мой самый ценный товар...

Тут ввалился пожилой официант Ромочка и принялся пересказывать какую-то хохму, приключившуюся с пьяненьким клиентом. Официант был гомиком, и бабы его обожали. Ромочка смеялся, подвывая, Людочка округляла глаза и тоже вставляла своё «хи-хи» в нужных местах.

Марк не слушал. Он поймал себя на том, что тянет время. И ему это вовсе не казалось противоестественным. Он находился в таком положении, когда любое необдуманное действие может только навредить. Дернешься — и по неосторожности порвешь единственную нитку, на

которой еще держится относительное благополучие. Надо довериться кому-то, кто знает больше. Но он отверг сомнительную «помощь» совсем недавно...

Ни к чему не обязывающий треп был неуклюжей, абсурдной попыткой зацепиться за старое, понятное и в общем-то удобное существование, убедиться в том, что всё о'кей. Но чем дольше Марк тянул резину, тем с большей ясностью ощущал себя трусливым подонком, уже продавшим собственного ребенка — лишь бы его, усталого папашу, оставили в покое. Реакция на уровне моллюска. Хотелось спрятаться внутри своей раковины и захлопнуть створки, однако нож нечистой совести безжалостно выковыривал его оттуда, и беззащитная мякоть болезненно соприкасалась с враждебной внешней средой.

— Ну, пора. Пошел, — сказал он, отдавая приказ самому себе.

— Ты еще здесь? — промурлыкал Ромочка, удивляясь. — Ну ты даешь, деточка! А мальчики уже начали...

* * *

Когда Марк пробирался через зал, группа играла «Снегопад» Маузона. Изрядно подкисленный вариант. От оригинала остался один

скелет. В хорошие времена (закончившиеся кое для кого совсем недавно) Марк накручивал на этот костяк спирали шизоидных воплей саксофона.

Музыка была предельно абстрактной и в то же время глубоко физиологической вещью. Марку приходилось слышать, как великолепно играли иногда самые тупые, ограниченные и сволочные из людей. Значит, невыразимое гнездилось в каждом...

А сейчас Гоша был особенно хорош, обрамляя клавишными зияющие пустоты. Суперстар, как оказалось, слегка перебрал и уже свалил в отель на клубном «линкольне». Наверняка ему и девку подсунули. Тем лучше.

— Покурил? — спросил Марк в самое Гошино ухо, глядя на бокал, который стоял на рояле. В бокале осталось примерно на палец жидкости. И там же плавал окурок сигареты «Lucky strike», если только Марк не ошибался. Но вряд ли он ошибался... Наклоняться и рассматривать этот натюрморт с близкого расстояния он счел неуместным.

Гоша повернулся к нему и сделал большие глаза, лаская клавиши пальцами, форма которых выдавала сладострастие. Потом подозрительно прищурился. Марк прочел на его физиономии пару немых вопросов: «Ты о чем это? Коксу нанюхался, скотина?»

Он решил замять. У него появилось куда более важное дело.

4. ВИНС

Эх, дядя, дядя... Ты был единственным по-настоящему сильным человеком из всей нашей семейки генетических неудачников. Ты выжил во время войны; ты преодолел проклятие рода; ты шел своей дорогой в дохлые времена, не обращая внимания на укусы терзавших тебя собак (верные друзья и, что еще более невероятно, верные женщины зализывали твои раны), — и на финише ты выглядел лучше других. По-моему, ты был просто великолепен.

Ты лежал в гробу безмятежный; на твоём застывшем лице обозначилось даже некое подобие улыбки, и это было так похоже на очередную мистификацию, что мне тоже захотелось улыбнуться, но мой «всадник» тогда еще работал нормально, соответствующий импульс был послан, и я подавил улыбку, трусливо и торопливо сжевал ее, убил в себе чистую радость, получив твое последнее послание. Ты будто говорил мне: «Держись, пацан! Все эти похороны — херня, фальшивка и дешевый спектакль. Будь самим собой. Научись свободно смеяться!»

Неужели действительно было так важно, что

подумают обо мне все эти люди, собравшиеся чинно поскорбеть, а затем выпить водочки, поговорить о том, как мало им осталось, увидеть тупик в конце, ужаснуться и снова зажмуриться? А до того они могли принять меня за идиота, кайфолома, бессердечную и неблагодарную тварь. Был повод задаться вопросом: на что же способен этот человек, улыбающийся над гробом любимого дяди? Я был твердо уверен: хотя бы один из присутствующих состоит в спецкоманде.

...Ты разительно отличался от всех покойников, которых мне приходилось видеть. Не скажу, что у меня богатый опыт по этой части, и хоронил я главным образом стариков и старух, однако ты любому дал бы фору в сто очков. Даже в смерти ты не стал куклой. Я не мог вообразить себе, что тебя обмывают, потрошат, подвязывают тебе челюсть, кладут монеты на глаза, наряжают, словно жениха перед встречей с костлявой невестой... Впрочем, самое смешное, что так оно и было.

Потом я разглядел у тебя на голове плохо замаскированное отверстие.

То ли череп был пробит пулей, то ли остался след хирургического вмешательства. В последнем случае нет ничего удивительного — соответствующая операция по изъятию «всадника» обязательна в течение тридцати шести часов и для всех без исключения. Ему же, бедняге, нечем

питаться в трупe...

Я так понимаю, что этим ребятам, сидящим на самом верху и дергающим за ниточки, не нужны муляжи с высоким коэффициентом общественной полезности. Хватит и живых. Но мне было достаточно и подозрений. Постепенно я внушил себе, что тебя убрали. Так было... романтичнее, что ли. Хоть и дешевая романтика, однако лучше, чем никакая.

...Твое лицо... Как мне сохранить в памяти твоё лицо? Гипсовая маска, фотография, видеозапись — всё это не то. Память изнашивает образы, как тело — старую одежду. В конце концов остаются лохмотья, неспособные согреть и прикрыть голую уязвимую кожу. Нужно воспроизвести слишком многое: ту черную осень; грачей в опрокинутой луже неба; оцепеневшие деревья; гробокопателей, с вождением ожидающих награды за старание; людей в лоснящихся плащах; дурацкие надписи на венках; запах сырой земли и гниющих листьев. И твоё лицо — незначительный рельеф над ровным, как горизонт, краем гроба. Ни следа болезни или усталости. Только легкая синева, будто нас разделял грозовой фронт.

(Теперь, несколько месяцев спустя, тускнеют и картинка, и боль. Боль становится тупой и прячется в глубине; это уже никак не связано с

тобой, дядя. Это скорбь по самому себе.)

...Когда закрывали крышку гроба, я не смотрел в него. Грязь, красное дерево, облупившаяся позолота, цветы, мелькающие лопаты, облегченные вздохи и всхлипы — но тебя-то там не было! Я смотрел на твоих полинявших любовниц, только что осознавших приговор, вынесенный временем; на твоих всесильных друзей, чуть ли не впервые столкнувшихся с проблемой, которую нельзя «уладить», и потому немного ошарашенных; на твоих коллег, которым ты освободил лыжню, на твою дочь Нелли, оставшуюся один на один с жизнью и потому обреченную — так же, как я (если, конечно, кто-нибудь срочно о ней не позаботится)... Огромная толпа. Умри я сейчас — на моих похоронах не было бы и двадцатой части тех, кто пришел проводить тебя (меня зароят поспешно или, скорее всего, сожгут, чтобы не занимал много места). Но ты умудрился достать всех!

Через пару минут мой «всадник» вырубился. Такое случалось с ним все чаще и чаще. По-моему, периоды отключки были распределены хаотически, что причиняло мне немалые неудобства. Вот и тогда это имело последствия.

...Когда твой дружок Шварц расставил на капоте стоявшего поблизости «мерседеса»

акустические колонки, из которых вскоре грянул цыганский хор, я не удержался и захохотал. Мне понадобилось всего мгновение, чтобы увидеть ошеломленные и покрывшиеся белилами рожи собравшихся клоунов, а потом я согнулся пополам и начал смеяться прямо в могилу. Я сильно рисковал, демонстрируя неконтролируемое поведение.

Если кто-то и обратил на меня внимание, то наверняка подумал, что парень решил проблеваться. Пока голос солиста взбирался в стратосферу, мои слезы смешивались с дождевой водой. О господи, как мне было хорошо! Едва ли не последний раз в жизни...

Этой веселой музыкой ты плюнул в морду прибравшей тебя вечности и отменил ее.

Навечно.

* * *

Смутно помню, как закончился тот день. Еще одно сильное впечатление: длинная вереница автомобилей, вытянувшихся вдоль кладбищенской стены. Возникло чувство принадлежности к некоему могущественному клану — абсолютно жалкое и абсолютно иллюзорное. Момент возбуждения — выяснилось, что со стоянки угнали чью-то «альфу». Все сразу стало на свои места. И я

понял: жив ты или мертв — от этого ничего не меняется.

Шварц подошел ко мне, положил руку на плечо и задал тот же вопрос, который задавал тридцать шесть часов назад, когда мы встретились в дядиной квартире.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Ничем.

Он хмыкнул.

— Смотри не попади в группу риска.

(Я не «голубой» и не наркоман. Мы оба знали, о чем он говорит. Мой КОП (коэффициент общественной полезности) стремительно падал. За последние четыре месяца — на пятьдесят два пункта. Я действительно оказался в опасной зоне. И я не слышал о тех, кто, опустившись, снова выкарабкивается наверх. Но имелась веская причина моего «падения». Говорю вам: эта проклятая штуковина в моей башке барахлила непредсказуемым образом. И прежде чем я открыл в себе новые способности, прошло немало времени.

Вообще-то вероятность отказа (или смерти?) «всадника» составляет что-то около одной десятимиллионной. Поэтому я мог считать себя членом самого элитарного клуба на планете. По официальной статистике, нас около тысячи, и все мы — потенциальные покойники. Хуже, чем беглые пациенты психушки.)

— Помощь нужна? — спросил Шварц.

На этот раз я не понял, что он имеет в виду. Если деньги, то мне не помешала бы пара сотен, чтобы продержаться до конца года. Если душеспасительные беседы, то я был сыт ими по горло. Особенно доставало «неподдельное» участие.

Я решил не рисковать и помотал головой — возможно, отказавшись от билета на тот чертов экспресс, который везет всех счастливиц к таким же пышным и незаурядным похоронам.

— Если передумаешь, я в твоём распоряжении, — сказал Шварц и протянул мне визитную карточку. Поднес яд, действующий настолько медленно, что о нём забываешь. — Береги себя, малыш. — Никчемное пожелание на прощание.

Визитка была черного цвета, как будто ее вырезали из траурных лент. Тогда это не показалось мне странным. Я сунул клочок бумаги в карман — туда, где лежали деньги, счет за междугородный телефонный разговор, карточка на получение дозы в аптеке и джокер из затерявшейся колоды.

Я видел, как Нелли упрятали в папин лимузин. Последняя дядина женщина уехала на «мазде» с каким-то безупречно корректным пожилым красавцем, подернутым сединой, словно старый тополь. Чьи-то голоса предлагали меня

подвезти. Я не знал, куда мне деваться. Ничего не осталось. Даже дома, в который хотелось бы вернуться.

Но человек так устроен, что все его «жалобы» и фразы типа «не могу без тебя жить» обычно сильно преувеличены. Вернувшись домой, я обнаружил, что пропал дядин сувенир, доставшийся ему от деда, — русский серебряный рубль двадцать четвертого года с удовлетворенным жизнью молотобойцем и восходящим солнцем нового мира на заднем плане.

Девять граммов чистого серебра. В чьих грязных руках оно теперь находилось? А может, кто-то заранее побеспокоился о том, чтобы я не отлил для него серебряную пулю?..

Дурные предчувствия — это не так уж мало, если вы понимаете, о чем я. В общем, был повод выпить.

И я честно его использовал.

5. ДИНА

До полуночи она не скучала. Поболтала по телефону с подругами — с теми, кого можно было поймать дома. Испытала белую зависть, когда узнала, кто и как будет веселиться в эту ночь. Стало ясно, что даже ближайšie из друзей отделились еще на полшага. Полшага на долгом многолетнем

пути к одиночеству. Почти незаметное расстояние. Так устроена жизнь. Некого винить в этом. Время задумываться над тем, стоило ли менять одну тюрьму на другую, еще не пришло...

Дина подпилила задравшийся ноготь, критически рассмотрела себя в зеркале. Для своих двадцати шести она была еще в полном порядке. Но настроение от этого только ухудшилось. Как поговаривали у нее в агентстве, «такой товар пропадает». В шутку, конечно, но в каждой шутке...

Около одиннадцати она вспомнила о своей школьной подруге Ольге — некрасивой, незаметной и почти наверняка все еще незамужней. Та никогда не вызывала у парней даже мимолетного интереса.

Ольга жила со своей матерью в соседнем доме, но после окончания школы Дина встречала ее редко. А когда встречала, разговор не клеился. За последний год они не виделись ни разу. По слухам, Ольга тяжело болела. Когда нам хорошо, нас окружают успешные люди; когда нам плохо, мы тянемся к тем, кому еще хуже. Похоже, это всего лишь вопрос резонанса...

Дина набрала номер, который помнила наизусть.

— Алло? — если бы не знакомый голос, Дина подумала бы, что говорит автомат.

— С наступающим вас! Можно Олю?

— Ольга в больнице, — тон матери был ледяным. — И вряд ли уже оттуда выйдет. Это ты, Дина?

— Да. А в какой больнице?

На том конце провода возникла пауза.

— Это не важно. Она никого не хочет видеть. Не советую навещать ее. Зрелище кошмарное, — безразличие матери было хуже, чем рыдания и вой. За ним угадывалась непроницаемая стена страдания, о которую разбивалось пустое сочувствие посторонних.

— Все так плохо?.. — робко спросила Дина.

— До свидания.

Мать Ольги положила трубку. Дина чувствовала себя так, будто ей надавали пощечин. Они и сама презирала себя, хотя это было глупо...

Чтобы немного успокоиться, она зашла в детскую. Ян безмятежно спал. Она обещала разбудить его к приходу Деда Мороза. Кажется, он уже начинал догадываться, что никакого Деда Мороза не существует, а подарки появляются отнюдь не из его мешка.

Несколько минут она смотрела на сына и вскоре перестала испытывать чувство стыда и чудовищной неловкости. Только рядом с ним и еще, пожалуй, рядом с мужем она освобождалась от давления дурацких условностей. Означало ли это,

что большую часть времени она прячется под различными масками, включая ту, носить которую труднее всего, — маску естественности? Не хотелось думать ни о чем. Хотелось только, чтобы Марк был дома.

«Ты нужен мне сегодня, и к черту твой клуб!» — мысленно обратилась она к мужу. Звонить ему она считала неудобным и знала, что ему это тоже не понравится. Он действительно был ей нужен. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз они занимались любовью. Двенадцать дней назад? Тринадцать? Ничего особенного. Бледная тень былого. Теперь Марк сам стал таким затраханым, что секс превратился в приятную, но тяжкую работу. Кое-что он делал лишь для того, чтобы не обидеть ее. Оскорбительно? Она так не думала, чувствуя его старую любовь, погребенную где-то под наслоениями новых проблем. Он был уставшим и каким-то заблудшим. Вернее, они оба были такими и даже не заметили, когда именно закончился пикник на залитом солнцем лугу молодости и когда их окружила серая бытовая помойка. И по ночам уже не пылал костер любви, а холодно мерцал не тающий лед. То, что ярко горит, быстро сгорает... С некоторых пор они кружили под вечным дождем, пряча от сырости свои чувства и узнавая среди отбросов обрывки прежнего карнавала, уже не способные вызвать радость,

желание, взаимную страсть...

Нет, так дальше нельзя. Она решила прогнать тоску, которая подкрадывалась из темных углов квартиры, зарождалась в тишине и незаметно проникала внутрь, будто отравленный воздух. Она налила себе бокал красного вина, включила музыку «Tangerine Dream» и села на диван. Циферблат, белеющий в полумраке, вдруг показался ей человеческим лицом — расплывшимся, застывшим, безразличным и... покрытым пудрой, будто физиономия актера в каком-то извращенном театре.

Дина отвела взгляд от часов и стала рассматривать маленькую живую ель, растущую в заполненном землей пластиковом горшке. Ель была украшена пятью миниатюрными игрушками, которые Ян выбрал и повесил сам. Вначале его выбор показался Дине немного странным, однако теперь она увидела в этом намек на неизвестную ей таинственную сказку. Старуха-колдунья, моряк, принцесса, розовый фламинго и дракон. Персонажи в наличии; дело за малым. Только фламинго не очень вписывался в этот ряд. Да и хочет ли она услышать эту сказку, независимо от того, кто именно расскажет ее? Пожалуй, нет...

Дина прилегла, поставив бокал себе на живот, и пошарила рукой по дивану. Нащупала пульт дистанционного управления и включила телевизор, убрав звук. Некоторое время она смотрела на чужое

немое веселье, говорящие головы, сверкающую ночь, кукольные лица, потом созерцала голубоватое мерцание на потолке, в котором было что-то завораживающее. В груди разлилось приятное тепло, постепенно вытеснившее тоску...

* * *

Дина задремала, а когда очнулась, было уже около двух часов. Бокал упал на толстый ковер и не разбился. Вино впиталось без остатка. Она проспала момент наступления Нового года. Ну что ж, она ничего не потеряла.

Дина направилась в детскую и разбудила Яна. Чаще всего он просыпался трудно, будто возвращался издалека, из мрачной страны в промежутке недоступных грез и кошмаров. Порой ей становилось не по себе при мысли, что так оно и было. Но семейный врач утверждал — возможно, просто успокаивая ее, — что это всего лишь признак очень крепкого детского сна. Здорового сна...

В этот раз Ян проснулся сразу же и некоторое время повалялся, притворяясь сонным и наблюдая за нею сквозь полуприкрытые веки. Маленький хитрец, конечно, готовился получить подарок. Интересно, подумала она, откуда это у него — взрослая манера оттягивать удовольствие, почти

сладострастно смаковать предвкушение с мудростью эпикурейца?..

— Вставай, милый, — она похлопала его по руке. — С Новым годом! По такому случаю я собираюсь угостить тебя шампанским.

— А где папа?

— Разве ты не знаешь?

— Ах да... Когда он придет?

— Утром. Наверное.

На несколько секунд его лицо стало гротескно печальным. Отца он любил самозабвенно. Дина улыбнулась.

— Я думаю, он позвонит, чтобы поговорить с тобой. Может быть, уже звонил, а ты проспал. Не хочешь взглянуть на подарок?

Его взгляд прояснился.

— Конечно, хочу. Но сначала...

Он запустил руку под подушку и сделал эффектную паузу, пытливо всматриваясь в лицо матери. С каждым днем он удивлял Дину все больше. Иногда казался маленьким старичком. Сейчас она действительно была заинтригована.

— У меня тоже есть для тебя подарок, — объявил Ян. — С Новым годом, мама!

Наблюдая за реакцией Дины, он медленно потянул из-под подушки серебряную цепочку. К цепочке был прикреплен диск из какого-то темного камня, окаймленного серебром.